

отношения между субъектом и действием, выраженным инфинитивом.

Предложения со сказуемым в активном залоге, выражающие принуждение или необходимость (с модальными глаголами *müssen, sollen, nicht dürfen*), могут быть образованы с помощью конструкции *haben+zu+инфинитив*. Соответствующие предложения в пассивном залоге могут быть образованы с помощью *sein+zu+инфинитив*, посредством чего – при одинаковых высказываниях – значение становится резче и настойчивее: *Die Reisenden müssen an der Grenze ihre Pässe vorzeigen. Die Reisenden haben an der Grenze ihre Pässe vorzuzeigen. / An der Grenze müssen die Pässe vorgezeigt werden. An der Grenze sind die Pässe vorzuzeigen.*

В жанре интервью немецких газет часто модальность приобретает оттенки сомнения, рекомендации, призыва, совета, предположения, которые могут быть выражены разными языковыми лексическими средствами.

Сомнение выражают слова:

Ich halte es nicht für ausgeschlossen....

Es ist denkbar....

Ich halte es für möglich....

Ich glaube... и др.

Рекомендация, совет, призыв реализуются в выражениях:

Du solltest zum Arzt gehen!

Du solltest lauter reden!

Предположение или нерешительное высказывание могут также выражаться с помощью глагола

mögen с инфинитивом другого глагола. Но конструкция с глаголом *mögen* обозначает чаще всего уступку, согласие с чьим-то мнением, например: *Ja, du magst schon Recht haben.* (По-видимому, ты прав); *Ja, das mag ihr Bruder gewesen sein.* (Похоже, действительно, это был ее брат).

Глагол *mögen* в форме индикатива, как правило, сопровождается утвердительной интонацией, подчеркивающей значение возможности. В сочетании с инфинитивом другого глагола *mögen* иногда выражает предположение с оттенком допущения: *Ihr Talent möchte nicht gross genug sein.*

Подводя итоги, можно сказать: модальность является неотъемлемой частью повседневной языковой практики. Она выполняет различные функции и реализуется на базе особой лингвистической категории. Для перевода интервью выявление всех смыслов, обозначенных модальностью, становится необходимым для правильной интерпретации текста.

Литература

1. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 303.
2. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
3. Абрамов Б. А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков: учеб. пособие. М., 2014.

E. V. SAPIGA, M. V. REPINA. PECULIARITIES OF EXPRESSING THE MODALITY IN GERMAN NEWSPAPER INTERVIEW

This article discusses the syntactic, lexical and STI-capitalist features of the German press, in particular, such as its genre, as a newspaper interview, and how the expression of modality.

Keywords: *modality, lexical and stylistic peculiarities of journalism, German newspaper interview.*

Л. П. ЛОБКОВСКАЯ, Е. Н. ЛУЧИНСКАЯ

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

На данном этапе становления терминология языка права представляет самостоятельный пласт терминологической лексики в русском языке, а само наличие этой новейшей интеграционной науки объективно отражает историческую тенденцию к единству и синтезу научного знания.

Ключевые слова: *интеграция и дифференциация научного знания, термин, юридическая терминосистема, интернационализм.*

Научно-техническая революция оказывает значительное влияние на такие процессы, как интеграция и дифференциация научного знания. Эти тенденции постоянно взаимодействуют друг с другом, единство дифференциации и интеграции научного знания представляют собой сложный диалектический процесс.

Интегративные процессы реализуются преимущественно в точках пересечения различных

наук, т. е. за счет междисциплинарных связей. При этом синтез научного знания проявляется в образовании качественно новых, нетрадиционных видов общенаучных форм.

Основные направления интеграции научного знания на современном этапе его развития, по мнению исследователей, следующие:

– Перенос идей и представлений из одной области знания в другую.

– Эффективное использование понятийно-концептуального аппарата, методов и иных познавательных средств одних областей науки другими.

– Формирование комплексных, междисциплинарных проблем и направлений исследований.

– Формирование новых научных дисциплин «пограничного» типа на стыках известных ранее областей знания.

– Сближение наук, различающихся предметными областями, усиление взаимосвязи и взаимодействия общественных, естественных и технических наук.

– Сближение научных дисциплин различного вида – научных и прикладных, эмпирических и теоретических, высокоформализованных и описательных и др.

– Универсализация средств языка науки и др.

Становление и развитие общенаучных понятий способствует дифференциации и специализации понятийного аппарата науки. Однако именно противоречие между дифференциацией и интеграцией науки является одним из важнейших источников формирования терминологии.

Для изучения определенной терминосистемы необходимо знать особенности языка научной литературы и в первую очередь специфику ее словаря. О научном стиле изложения В. фон Гумбольдт писал: «Язык лишь благодаря научной обработке достигает совершенной строгости в разграничении и фиксировании своих понятий и приобретает наиболее отчетливый критерий для оценки того, сколь целенаправленно предложение и его части устремлены к единой цели» [1].

В основе научной литературы лежит формально-логический способ изложения материала, который специфичен как для точных, так и для естественных наук: математики, юриспруденции, медицины, языкознания, экономики, истории и т. п.

Билингвистическое (типологическое) исследование функционального стиля научной литературы связано с языком науки двух (или более) языков. Объектом билингвистического исследования является не изучение языковых явлений на разных уровнях (фонем, морфем, лексем) в целях выявления языковых соответствий и истории их развития, а поиск эквивалентов научной и технической мысли при билингвистической речевой деятельности.

Для современной лингвистической науки огромное значение имеет описание и выявление закономерностей функционального стиля научной прозы, поскольку именно этот стиль является наиболее характерным «лингвистическим индикатором» современной эпохи развития человечества. Описание систем языков невозможно без учета этого функционального стиля и его роли в современном обществе.

Несмотря на различные подходы ученых к исследованию вопроса о функциях языка,

общепризнанно, что в основе всей речевой деятельности лежит функция общения (коммуникативная). Огромное большинство людей, занятых разными видами общественной деятельности, постоянно оказываются перед потребностью передавать друг другу информацию, необходимую для обеспечения нормального развития человеческого общества. В этой связи важно подчеркнуть, что соответствие метаязыковых систем говорящего и слушающего является необходимым условием для полноценного научного общения.

Таким образом, общенаучный стиль языка появился и сформировался для удовлетворения определенных социальных потребностей, которые и определили выделение и оформление особой формы изложения для передачи научных идей, гипотез, доказательств и открытий. В современной лингвистике проблемы языка науки как особого функционального стиля и особого разряда языковых средств выдвигаются на первый план, так как развитие прогресса научных знаний, возрастание сложности научных исследований и появление новых самостоятельных научных направлений обусловили необходимость создания метаязыков в каждой отрасли науки.

Взаимодействие различных отраслей науки привело к возникновению многочисленных новых понятий и терминов, нередко находящихся на границе смежных областей. В связи с этим наблюдается стратификационное, а не иерархическое взаимодействие метаязыковых образований на разных языковых основах. Таким образом, дифференциация наук на направления, разделы, отделы непрерывно связана с прагматикой метаязыкового образования.

Исследователи, отмечая специфический характер термина, пытаются рассматривать терминологические проблемы с разных точек зрения (семантической, семиотической, функциональной, логической). В связи с этим в публикациях последних лет появилось большое разнообразие определений *термина* (от лат. *Terminus* – граница, предел) [2], но все они отмечают его двойственную природу – лингвистическую (термин есть знак, выражаемый языковыми средствами) и экстралингвистическую, отражающую логические связи термина с понятием.

Термин обладает определенным значением, которое может изменяться в зависимости от той отрасли, где он употреблен. По мнению Б. Н. Головина и Р. Ю. Кобрина, «термин любой отрасли знания выражает специальное профессиональное понятие (научное, техническое, социально-культурное), если он употреблен в условиях специальной профессиональной коммуникации: в письменных текстах или в устной речи специалистов. Функционируя в художественных произведениях или в условиях бытового общения, термин выражает бытовое понятие, или общее представление» [3].

Необходимо подчеркнуть, что термин является однозначным и независимым от контекста в

том случае, если оговорена его принадлежность к определенной терминологии. Н. Б. Гвишиани отмечает, что научная терминология обладает целым рядом несовершенств, например, конвенциональностью и подверженностью субъективной оценке ее пользователя [4].

При сопоставлении терминологий различных наук, можно обнаружить разное отношение носителей определенной терминологической системы к ее единицам, фиксирующим научные понятия. С одной стороны, выявляется стремление к однозначному пониманию термина, а с другой – появляются разные толкования понятий, препятствующих однозначной трактовке соответствующих терминов. Как правило, второе особенно характерно для новых, развивающихся терминосистем, в состав которых привлекаются термины из смежных терминологий.

В процессе становления юридической терминосистемы процесс привлечения терминов из смежных терминологий сопровождается определенными семантическими изменениями в плане содержания привлекаемых лексических единиц: значения уже известных терминов специализируются, конкретизируются применительно к новой сфере функционирования.

Так, на наш взгляд, на данном этапе становления терминология рассматриваемого языка права представляет самостоятельный пласт терминологической лексики в русском языке, а само наличие этой новейшей интеграционной науки объективно отражает историческую тенденцию к единству и синтезу научного знания. Наличие или отсутствие формально-грамматических показателей модальности еще не исключает ее, т. к. модальность может заключаться и в самом смысле слов, их сочетании, либо в контексте. В плане прагматики модальности закономерной становится проблема однозначности термина. Ученых давно волнует вопрос о том, обладает ли термин свойством внеконтекстности или однозначности, хотя известно, что для термина характерна соотносительность с точно определенным понятием и стремление к однозначности.

Однако хотелось бы отметить, что в реальном языковом употреблении термин не всегда точно выражает специальное понятие, не всегда однозначен и выражает только одно понятие. Другими словами, определение точных семантических границ термина не всегда возможно.

Существует мнение о большой степени интернационализации терминосистем, в том числе и юридических, поэтому необходимо особо рассмотреть вопрос о наличии интернационализмов в составе юридической терминосистемы, поскольку именно интернационализмы свидетельствуют о степени проявления универсальности в терминосистемах, так как термином «интернационализм» принято обозначать номинанты, отмечаемые не менее, чем в трех языках. Под интернационализмами ряд

авторов Д. С. Лотте, В. В. Акуленко, И. К. Белодед, Ю. А. Бельчиков, В. В. Митрофанова понимают лексические и фразеологические единицы, а также словообразовательные элементы различных языков, объединенные сходством значений и форм [5].

Д. С. Лотте, говоря о терминах-интернационализмах как об одном из видов лексических интернациональных элементов, определяет их как термины, совпадающие по звуковому составу и значению в трех или более языках. Он также указывает на наличие относительных терминов-интернационализмов, когда имеется звуковое соответствие основ терминов при наличии национальных аффиксов или суффиксов, или же соответствие буквального значения элементов при буквальном переводном заимствовании [6].

Согласно известным русским терминоведам В. М. Жирмунскому и Т. Л. Канделаки, в любой терминосистеме ядром интернациональных элементов всегда служат элементы греко-латинского происхождения, и даже новые интернациональные лексические элементы, образуемые в рамках национального языка, почти всегда используют греко-латинские элементы [7].

Рассматривая английскую юридическую терминологию и американскую юридическую терминологию, Е. С. Максименко обнаружила два вида терминов-интернационализмов, которые появились в период формирования данной правовой системы и в современных условиях на основе процесса интернационализации правовых понятий в общеевропейском масштабе [8]. Е. С. Максименко отмечает, что в английской юридической терминологии первые интернационализмы появились уже в XI веке и были представлены латинскими терминами, распространившимися в ряде стран Европы, обозначавшими основные правовые понятия римского права. Американская юридическая терминология вобрала все интернационализмы, включенные в английскую терминосистему.

При анализе юридических терминосистем различных языков Е. С. Максименко было выявлено достаточно большое количество от числа изученных терминов (310 единиц – 20%) полных терминов-интернационализмов, имеющих греко-латинское происхождение и обозначающих основные правовые понятия. Ср.:

англ.: alimony, amnesty, doctrine, jurisdiction, contract, justice, verdict, penitentiary, extradition, militia, precedent, prostitution, procurator, sodomy, immunity;

русск.: алименты, амнистия, доктрина, юрисдикция, контракт, юстиция, вердикт, пенитенциарий, экстрадиция, милиция, прецедент, проституция, прокурор, содомия, иммунитет;

фр.: aliments, amnistier, doctrine, contrat, verdict, immunité, jurisdiction, justice, pénitencière, extradition, prostitution, procureur и др. [9].

По классификации Ю. А. Бельчикова и В. М. Аристовой термины-интернационализмы такого

типа можно отнести к исконно иноязычным интернационализмам. Они считаются полными, так как сходны не только по звучанию и значению, но по письменной форме [10]. Например, *veto* (от лат. *Veto* – запрещаю) – право, означающее полномочие лица или группы лиц в одностороннем порядке заблокировать принятие того или иного решения; *алиби* (от лат. *Alibi* – где-либо в другом месте) – юридический термин, применяемый в уголовном праве, понимаемый как наличие объективных обстоятельств, свидетельствующих о непричастности обвиняемого или подозреваемого к инкриминируемому преступлению, в силу того, что во время, когда совершалось инкриминируемое ему преступление, он не мог находиться в месте совершения преступления, так как находился в ином месте [11].

Помимо полных интернационализмов, существует второй тип терминов-интернационализмов – национально оформленные греко-латинские термины, то есть термины с греко-латинскими корнями и термины, построенные на основе греко-латинских словообразовательных элементов, которые были привнесены в систему многих европейских языков (русский, английский, французский и т. д.).

Ср.: англ. *Vote, quasi contract*, фр. *Vote, quasi-contract* рус. *Вотум, квазиконтракт* и т. д. Они создаются на базе национальных языков в процессе возникновения новых правовых понятий. Греко-латинские элементы используются для построения терминов-интернационализмов с целью сохранения определенной стандартности терминов, так как греко-латинские элементы являются идеальными конститuentами терминов во многих языках.

Особый интерес с точки зрения изучения национально-культурных особенностей состава юридической терминологии представляет собой третий тип интернационализмов – «слова любого национального языка с международным распространением», по определению Э. Вюстера [12], которые возникают с укреплением тенденции к интернационализации понятий права. Вследствие сильного влияния прецедентных систем права на кодифицированные системы и наблюдаемые тенденции к введению принципа прецедентности в кодифицированные системы, можно отметить тенденцию к появлению в таких терминологических системах, как русская и немецкая, терминов-интернационализмов из английского языка, принадлежащих к правовым сферам, в которых первенство выработки определенных правовых понятий и процедур принадлежит Великобритании и США [13]. По справедливому замечанию В. Г. Костомарова, заимствования из британского и американского вариантов английского языка стали самой яркой чертой нашего времени, их можно сравнить только со знаменитым «французским наводнением» XVIII века. Причина данного явления социальная, она заключается в том, что в XVIII веке эталоном

культуры, вкуса, манер, стиля жизни, общения была Франция, теперь им стали США. Все большее распространение получают английские слова, причем даже в том случае, когда существует достаточно точный эквивалент в родном языке [14].

В русской юридической терминологии можно выделить следующие термины-интернационализмы, пришедшие из англо-американского юридического метаязыка *ноу-хау* (это сведения любого характера (изобретения, оригинальные технологии, знания, умения и т. п.), которые охраняются режимом коммерческой тайны и могут быть предметом купли-продажи или использоваться для достижения конкурентного преимущества над другими субъектами предпринимательской деятельности; *франчайзинг* (вид отношений между рыночными субъектами, когда одна сторона (*франчайзер*) передает другой стороне (*франчайзи*) за плату (*роялти*) право на определенный вид бизнеса, используя разработанную бизнес-модель его ведения). (Ср. нем. *Der Know-how, das Franchising*).

Анализ толковых словарей XIX–XX вв. показывает, что, например, интернационализм «мораль» (от лат. *Moralitas*, термин введен Цицероном от лат. *Mores* – общепринятые традиции, негласные правила) означает принятые в обществе представления о хорошем и плохом, правильном и неправильном, добре и зле, а также совокупность норм поведения, вытекающих из этих представлений. Иногда термин употребляется по отношению не ко всему обществу, а к его части, например: христианская мораль, буржуазная мораль и т. д. В русском языке мораль и нравственность тесно связанные понятия, часто считающиеся синонимичными, однако термин *нравственность* применяется для обозначения внутренних принципов человека, которыми он руководствуется, а *мораль* – для общественных взглядов. Мораль изучает отдельная философская дисциплина – этика.

Рассмотрим значение слова *закон* – «предел, поставленный свободе воли или действий», также «неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти. Закон Божий, откровение, составляющее сущность веры; закон христианский, христианская вера. Закон природы или естественный закон, которому неизбежно следует вся вещественная природа. Законы гражданские, установленные гражданскою, государственною властью, для обеспечения быта граждан, противопоставляются законам духовным, т. е. относящимся до дел веры, или же до духовного мира, духовной жизни; противопоставляются также законам военным, уголовным» [14].

Эволюция значения слова *закон* восходит к общеславянской эпохе. Абстрактное существительное *законъ* происходит от *kon/ken* и означало *конец, начало, предел, граница*.

Юридическое значение лексемы *закон* дается в юридических словарях, изданных в 1956 г., 1987 г., 1998 г. и др. В «Юридическом словаре» 1956 г. дается следующее определение закона: «нормативный

акт высшего органа государственной власти, выражающий волю господствующего класса, изданный в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой [15].

Сравнивая толкование закона в словарях. А. М. Бут отмечает, что «набор характеристик термина «закон» и их очередность в разных словарях неодинаковы» [16].

Данный факт является доказательством того, что юридическая терминология является терминотерминосистемой интеграционного типа, особенностью которой является комплексный, междисциплинарный характер.

Литература

1. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М., 1985. С. 187.
2. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987; Дубичинский В. В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей: автореф. ... докт. филол. наук. Краснодар, 1995; Лейчик В. М. Об относительности существования термина // Семиотические проблемы языков науки, терминологии и информатики: материалы симпозиума. Ч. 2. М., 1971. С. 436–443; Лейчик В. М., Мешкова И. Н. Изучение термина в тексте // Текст в языке и речевой деятельности (состав, перевод, автоматическая обработка): сб. науч. тр. М., 1987. С. 129–138; Канделаки Т. Л. Об одном типе словаря международных терминологических наук (ФН). 1967. № 2. С. 37–49; Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М., 1972.
3. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987. С. 40.
4. Гвишиани Н. Б. Язык научного общения (вопросы методологии): моногр. М., 1986.
5. Акуленко В. В. Лексические интернационализмы: итоги, перспективы, методы исследования // Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков, 1980. С. 10–42.; Белодед И. К. Интернационализмы в современных языках (вводная статья) // Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков, 1980. С. 7–9; Бельчиков Ю. А. Интернациональная терминология в русском языке. М., 1959; Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных

терминов и терминологических элементов. М., 1982; Митрофанова В. В. Роль интернациональных элементов в организации отраслевых терминологических систем (на материале терминологии русского, английского и французского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.

6. Лотте Д. С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982. С. 136.

7. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты. Л., 1936.; Канделаки Т. Л. Об одном типе словаря международных терминологических наук // ФН. 1967. № 2. С. 37–49.

8. Максименко Е. С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем (на материале английской и американской юридической терминологии): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002.

9. Там же.

10. Акуленко В. В. Лексические интернационализмы: итоги, перспективы, методы исследования // Интернациональные элементы в лексике и терминологии. Харьков, 1980. С. 10–42.; Бельчиков Ю. А. Интернациональная терминология в русском языке. М., 1959.

11. Здесь и далее толкования терминов приведены с сайта URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/>

12. Вюстер Э. Международная стандартизация языка в технике. М., 1935. С. 120.

13. Максименко Е. С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем (на материале английской и американской юридической терминологии): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2002.

14. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994. С. 87.

15. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978. С. 588.

16. Иодковский А. Н. Юридический словарь. Т. 1. М., 1956. С. 320.

17. Бут А. М. Движение семантики слова закон как отражение динамики развития общества (на материале толковых и специальных словарей) // Личность, речь и юридическая практика // Донской Юридический Институт. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 7. Ростов н/Д., 2004.

L. P. LOBKOVSKAYA, E. N. LUCHINSKAYA. INTEGRATION PECULIARITIES OF LEGAL TERMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

At the present point of time the terminology of the legal language seems to be the separate layer of the terminological lexis in Russian whereas the existence of this up-to-date integrative science effectively reflects the historical currents of unity and synthesis.

Key words: integration and differentiation of scientific knowledge, term, legal term system, international word.